

Предисловие

Движение истории неравномерно. Памятные для потомства происшествия — обычно это какие-то эпохальные перемены или потрясения — чередуются с периодами, про которые в древних летописях коротко сообщается «ничего не бысть» (то есть всё было неплохо и рассказывать особенно не о чем). Темп событий то ускоряется, то замедляется; быстрые «вдохи» сменяются протяжными «выдохами»; иногда государство начинает рывкообразно развиваться, — как правило, это происходит при появлении целеустремленного вождя, реализующего некую программу; бывают столь же стремительные кризисы — по причинам как внутренним, так и внешним.

Вот почему рассказывать о разных периодах удобнее по-разному, приспособливая методику изложения к особенностям и «важности» эпохи. Русский семнадцатый век, которому посвящен данный том, в этом смысле труден для описания. В сравнительно небольшой отрезок истории спрессованы и «минуты роковые», требующие детального изучения, и целые десятилетия неспешного развития, когда интереснее говорить не о событиях, а о явлениях и тенденциях.

Этим объясняется асимметричная структура книги. Ее первая часть отдана подробному рассказу всего о нескольких годах, а три следующие части куда более лапидарны. Впрочем, такая же пропорция наблюдается и во всем массиве исторических исследований о русском семнадцатом веке: о его драматическом начале написано гораздо больше, чем о последующих событиях — вплоть до самого конца столетия, когда Россия словно проснулась или же перешла с медленной ходьбы на быстрый бег.

Однако реформы Петра I будут темой пятого тома, четвертый же закончится 1689 годом. Наиболее тугим узлом этой эпохи является Смута — опыт крушения государства. Сопоставимый по масштабу кризис в России повторится лишь триста лет спустя, в начале XX века.

Русское государство, разрушенное Смутой, было по исторической преемственности вторым. Первое — Киевское великое

княжество — возникло в IX веке, когда род Рюриковичей взял под контроль торговый путь «из варяг в греки». Раннее русское государство сохранялось до тех пор, пока речной транзит в XI—XII веках не утратил своего прежнего значения. После этого центральная власть ослабела и страна начала дробиться на отдельные княжества, ставшие легкой добычей для монгольского нашествия.

Вторая централизация была осуществлена московским князем Иваном III (1462 — 1505), который взял за образец устройство Чингисхановой империи, самого великого государства, известного тогдашним русским людям. Крепость Орды зиждилась на пирамидальной иерархичности власти, единственным носителем которой являлся великий хан. Страна управлялась не по общим для всех законам, а по ханским указам, которые издавались с учетом конкретной ситуации и могли в любой момент изменить прежние «правила игры». Морально и религиозно принцип такой ничем не ограниченной власти поддерживался сакрализацией особы монарха, заступника и посредника за народ перед богом.

«Второе» русское государство архитектурно представляло собой очень простую конструкцию. Все сколько-нибудь важные решения принимались исключительно государем, который не только ведал всеми направлениями политики, но и стремился полностью контролировать жизнь в регионах своей немаленькой страны. При этом центральное правительство и областная администрация находились в зачаточном состоянии. Страна управлялась как личная вотчина одного хозяина.

В условиях Средневековья подобная структура безусловно имела свои плюсы, к числу которых относились неплохая управляемость, аккумуляция ресурсов и высокая мобилизационная способность. Главным соперникам московских самодержцев — польско-литовским королям — для войны требовалось заручиться согласием аристократии и получить санкцию на сбор финансов, поэтому западный сосед всегда запаздывал с началом боевых действий, а потом часто оказывался не в состоянии воспользоваться плодами побед из-за безденежья. Русскому же государю было достаточно просто приказать — все людские и материальные ресурсы страны находились в его полной воле.

Предисловие

Главная слабость «второго» государства, как водится, была обратной стороной его силы. При деятельном и способном правителе страна крепла и росла, с правителем средних способностей — оказывалась в состоянии застоя, плохой правитель вел страну к упадку. И совершенной катастрофой становилось отсутствие самодержца, оно приводило государство к параличу.

Именно это произошло в апреле 1605 года, о чем было рассказано в предыдущем томе и к чему мы вернемся опять, посмотрев на те же события с другой стороны — стороны Самозванца. Мы увидим, что его авантюра была плохо организована и несомненно закончилась бы поражением, если бы в Москве внезапно не скончался царь Борис. Здесь совпали два роковых фактора. Во-первых, наследник Бориса был подростком и не мог править самостоятельно. Во-вторых, новая династия, возникшая всего семь лет назад, еще не успела обрасти ореолом сакральности (обстоятельство, сохранившее страну во время малолетства Ивана Грозного).

Если формулировать совсем коротко, главной причиной краха «второй» Руси стало слишком сильное самодержавие при слишком слабом государстве. Сочетание безграничной власти монарха с неразвитостью институтов сделало политическую систему хрупкой. Стоило переломиться единственному стержню, на котором она держалась, — и государство рассыпалось.

История Смуты (как и события 1917 года) демонстрирует, что вроде бы могучая держава может развалиться очень быстро. Это поистине страшное и захватывающее зрелище.

По сравнению со Смутой следующая часть книги выглядит тусклой. Пропадает высокий драматизм, исчезают яркие личности, всё словно бы мельчает и обесцвечивается. Рассказ о царствовании Михаила Романова менее выигрышен — но история получения раны всегда сюжетно интереснее, чем описание ее лечения. Вместе с тем, с точки зрения истории государства, процесс заживления и восстановления сил страны, процесс создания новой системы вместо рухнувшей не менее важен.

Московское царство семнадцатого века при внешнем сходстве сильно отличается от Московского царства века шестнадцатого. Я полагаю, что тут речь идет о несколько иной модели, и подробно объясню, почему считаю это государство «третьим».

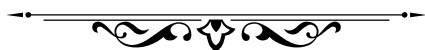
Центром развития мировой цивилизации стала Европа, и Россия политически, технологически, культурно все больше дрейфует в западном направлении. В семнадцатом веке она уже находилась ближе к Европе, чем к Азии, но «ордынский фундамент» оставался прежним, и построить на нем нечто принципиально новое было трудно. Всего через семьдесят лет возникнет необходимость в новой модификации.

Книга «Между Европой и Азией» состоит из четырех частей, которые соответствуют стадиям жизни почти всякого государства: предшествующему хаосу; рождению и росту; зрелости и застою; наконец — истощенности и кризису.

Гибель государства

В семнадцатый век Россия вошла, по внешней видимости, крепкой и благополучной державой. С пятнадцатимиллионным народом она была одной из самых населенных стран Европы, а по размерам — первой. Москва поддерживала мир с соседями, которые уважали ее мощь; казна была полна; торговля процветала; росли города. На престоле сидел опытный правитель Борис Годунов, вроде бы державший страну в ежовых рукавицах: запуганная аристократия боялась интриговать, забитые крестьяне не бунтовали. Казалось, на Руси после тяжелых испытаний, пережитых во второй половине предыдущего столетия, надолго установились спокойные, мирные времена.

Однако эта прочность была иллюзией.

Важнейшим элементом системы самодержавия, основанной Иваном III, являлось обожествление царской власти — только этим с религиозной и рациональной точек зрения можно было оправдать безраздельную власть одного человека над огромной страной, все жители которой считались его «холопами». Если такая власть установлена самим Богом, роптать не на что: на небе — Господь, и все Его рабы; на земле — Государь, и все его холопы.

Однако Годунов тоже вышел из «холопов», о чем знала и помнила вся держава. Он и сам отлично понимал эту свою уязвимость и компенсировал ее неким подобием «народного мандата», для чего при воцарении впервые в русской истории устроил нечто вроде выборов — не самовольно уселся на престол, а был

«упрошен» патриархом с боярами и «выкрикнут» столичной толпой, то есть заменил небесную сакрализацию земной легитимизацией.

Этот опасный эксперимент дорого обошелся и государству, и самодержавию. Столичное население вдруг ощутило свою силу, а тайные враги власти со временем поняли, что народом можно манипулировать. В русскую политическую историю ворвался фактор так называемой «площади» — столичной толпы, способной к бунту. Этого джинна, выпущенного из бутылки Годуновым, не удавалось загнать обратно на протяжении всего семнадцатого века. Пока дела в стране шли хорошо, всё было тихо, но в кризисные периоды царская власть оказывалась перед угрозой восстания — и не где-нибудь, а в собственной столице.

С 1602 года на Московское царство обрушилась череда потрясений: три неурожая подряд; вызванный ими страшный голод; отток населения в более сытные южные области; народные восстания; затем объявился претендент на престол — царевич Дмитрий, якобы чудесно спасшийся от убийц. И внешне крепкая держава в несколько лет развалилась.

Опасность самозванства заключалась не в военной интервенции, а в том, что слух о «законном» наследнике бил в самое болезненное место — в правомочность существующей власти. Кризис государства начался с сомнения в легитимности правителя.

Процесс полного распада «второго» русского государства занял семь лет и состоял из нескольких этапов: сомнительная власть — слабая власть — двоевластие — безвластие — наконец, иностранная оккупация. Когда страна не в состоянии управлять собой сама, всегда находятся иные распорядители.

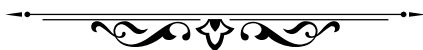
Каждая ступень на этой ведущей вниз лестнице приводила современников в ужас, но следующая была еще страшнее.

В истории нации нет большей трагедии, чем крах государства. Развал политической системы сопровождается тотальным хаосом. Исчезают закон и порядок; все воюют со всеми; города стоят разграбленные, села пустеют; крестьяне не выращивают хлеб, купцы не торгуют; к кровопролитию прибавляются голод и эпидемии; убийства и зверства становятся обыденностью и нормой.

Эту горькую чашу России предстояло испытать до дна.

Сомнительная власть

«Окаянный фронт»

Всякий, кто писал о Смуте, задавался тем же вопросом, что и безымянный автор «Плача о пленении Московского государства»: «Откуда начнем плакати, увы, коликаго падения преславных и ясносияющих превеликая России, которым ли началом воздвигнем пучину слез рыдания нашего и стенания?»

Пожалуй, «начнем плакати» с фигуры Самозванца.

В предыдущем томе было рассказано, как действия «царевича» выглядели из Москвы. Теперь попробуем реконструировать ход тех же событий, глядя с противоположной стороны.

Судьба Лжедмитрия I совершенно невероятна. Этот совсем еще молодой человек, «нелепою дерзостию и неслыханным счастьем достигнув цели — каким-то обаянием прельстив умы и сердца вопреки здравому смыслу — сделал то, чему нет примера в истории» (Карамзин). Отечественные хронисты семнадцатого века не жалеют бранных слов для возбудителя Смуты. В том же «Плаче» он назван «окаянным франтом¹ Гришкой» (автор исходит из официальной версии о том, что самозванцем был Григорий Отрепьев); современный событиям автор Иван Тимофеев величает его лютым «скименом» (молодым львом) и даже облекшимся в человеческую плоть Антихристом.

Победа неизвестного авантюриста над могущественным царем выглядит чем-то поразительным и с расстояния в несколько

¹ Вероятно, от польского *frant* — «шут».

веков. Неудивительно, что многие историки пытались объяснить ее происками внешних или внутренних врагов.

Дмитрий Иловайский, знаменитый автор исторических учебников, на которых выросло несколько поколений русских гимназистов, считал эпопею фальшивого Дмитрия «гнусной польской интригой». «Адский замысел против Московского государства — замысел, плодом которого явилось самозванство, — возник и осуществился в среде враждебной польской и ополяченной западнорусской аристократии», — уверенно заявляет он. Эту версию вроде бы подтверждает дальнейшее развитие событий, приведшее к оккупации, однако же в 1604 году, когда зародился мятеж, польскому королю было совершенно не до «адских замыслов» против восточного соседа: Сигизмунд готовился воевать со шведами, к тому же в Речи Посполитой назрела собственная смута — так называемый «рокош».

В. Ключевский и С. Платонов полагали, что Лжедмитрий мог быть креатурой боярских кругов, враждебных Годунову. «Винили поляков, что они его [Самозванца] подстроили; но он был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве», пишет первый; второй выражается чуть осторожнее: «Изо всех существующих мнений о происхождении самозванца наиболее вероятным представляется то, что это был московский человек, подготовленный к его роли в среде враждебных Годунову московских бояр и ими пущенный в Польшу».

Однако похоже, что никакие зловещие силы Самозванца никуда не «пускали» и никто его не «заквашивал». Со временем у Лжедмитрия появились покровители и союзники, но, как мы увидим, он нашел их сам, а потом его подхватила и понесла волна, остановить которую он при всем желании был уже не властен.

В Москве царю Борису, остро ощущавшему сомнительность своей власти и от этого боявшемуся собственной тени, воскресший царевич казался грозным и страшным великаном, сметающим всё на своем пути (в третьем томе я рассказывал о годуновских метаниях); претенденту же в его крайне шатком положении несокрушимой махиной представлялась Москва — он шел на нее, потому что слишком заигрался и отступление означало бы для него верную гибель. Но непреодолимые препятствия, как

в сказке, рухнули, несметные вражеские полчища расступились, крепостные стены рассыпались, гордые московские вельможи склонились — и свершилось то, «чему нет примера в истории».

Кем же был этот удивительный юноша?

Вопросом о загадке Лжедмитрия I русскую публику впервые заинтриговал Карамзин — до него отечественной историей общество интересовалось мало. Знаменитая старуха пушкинских времен Загряжская говорила перед смертью: «Мне нужно сделать Господу Богу три вопроса: кто был Лжедмитрий, кто Железная маска и кто шевалье д'Еон?» Похоже, что иного способа раскрыть тайну Лжедмитрия и не существует. Мы не знаем, откуда взялся этот человек, и, очевидно, никогда уже не узнаем.

В 1605 году итальянец Бареццо Барецци пересказывает версию о спасении московитского «царевича» следующим образом: «Когда Борис прислал людей для убийства Дмитрия, воспитатель его (который, как говорят, был немец из окрестностей Кёльна) уведомлен был матерью Дмитрия об их прибытии, а также и о месте и времени избранных для убийства Царевича. Поэтому наставник положил в одну постель с Дмитрием мальчика таких же лет и сходной наружности, не сказавши о том никому, и как скоро мальчик уснул, велел тайно унести Дмитрия из постели... Дмитрий, тайно воспитанный своим наставником, убежавшим из сожженного города, узнал от того же наставника, вскоре умершего, что он законный наследник Иоанна Васильевича».

Если бы неведомый проходимец, объявивший себя сыном Ивана Грозного, не только сверг Годуновых, но и основал новую династию, придворные историографы несомненно придали бы этой красивой сказке канонический вид и в последующие века школьников учили бы, что в 1591 году младший сын Ивана IV чуть не погиб от руки подосланных Годуновым убийц, «немца из Кёльна» ради патриотизма заменили бы на какого-нибудь русака, и все кроме особенно скептических исследователей свято верили бы в эту легенду — мало ли в отечественной да и всякой другой истории сомнительных преданий?

Но Лжедмитрий был свергнут и сразу же после смерти опорочен, поэтому возобладала иная версия о его происхождении,

разработанная еще дьяками Бориса Годунова и попавшая в учебники: о том, что самозванцем был беглый монах Григорий (в миру Юрий) Отрепьев.

Юрий Богданович Отрепьев существовал на самом деле. Он был сыном стрелецкого сотника и происходил из небогатых костромских дворян. По соседству от их поместья находилась большая вотчина знатного боярского рода Романовых, к числу мелких клиентов которого, должно быть, относились и Отрепьевы. Во всяком случае, «Юшка» с ранних лет жил слугой на московском подворье Романовых и их близких родственников князей Черкасских (это обстоятельство в позднейшие, романовские времена всячески замалчивалось).

Затем с Отрепьевым произошла какая-то неприятность, в результате которой он постригся в монахи. Согласно официальной правительственной версии, Юшка «впал в ересь, и воровал, крал, играл в зернь, и бражничал», и «за то его воровство хотели его повесить, и он от тое смертные казни сбежал, постригся в дальних монастырех, а назвали его в чернецах Григорием». Однако лучший исследователь эпохи Руслан Скрынников связывает пострижение Отрепьева с событиями 1600 года, когда Романовы и Черкасские попали в опалу. Многие их слуги угодили в тюрьму, а прочие остались без средств к существованию. Вероятно, Юрия погнали в монастырь страх и безысходность. Какое-то время он отсиживался в отдаленных обителях, а когда гроза утихла, обосновался в столичном Чудовом монастыре, где жил на покое его дед.

Смышленного чернеца заметил сначала архимандрит, а затем и сам патриарх. Надо полагать, бывший Юрий, а ныне Григорий был ловок и неплохо образован. Вскоре он оказался в числе патриарших дьяконов и участвовал в составлении божественных книг.

Скрынников вычислил, что в Кремль Отрепьев попал в начале 1601 года, а в феврале 1602 года бежал в Литву — очевидно, с ним опять произошла какая-то беда. Показания одного из ушедших с Григорием чернецов, Варлаама Яцкого, впоследствии и стали основанием для того, чтобы объявить «царевича Дмитрия» беглым монахом Гришкой Отрепьевым.

Таким образом, о Юрии (Григории) Отрепьеве известно не так уж мало. Проблема в том, что «царевич» вряд ли был Гришкой Отрепьевым.

Есть два обстоятельства, заставляющие отнести к годуновской официальной версии с сомнением: фактическое и психологическое.

Во-первых, человека по имени Гришка Отрепьев, беглого московского монаха, в феврале 1605 года разыскали в Литве и доставили в путивльскую ставку претендента. Гришка оказался мужчиной лет тридцати пяти (что и неудивительно, патриарший книжник не мог быть очень уж юн). Конечно, можно предположить, что Самозванец просто хотел развеять опасные слухи, но тогда довольно было показать лже-Отрепьева войску, а потом потихому от него избавиться. Однако Дмитрий не побоялся взять расстригу с собой в Москву и, кажется, не придавал ему никакого значения. Очевидец и участник событий капитан Маржерет пишет: «Потом он [Отрепьев] вернулся домой, и всякий, кто хотел, видел его; еще живы его братья, имеющие земли под городом Галичем».

На второй повод для сомнений обращают внимание и те историки, кто уверен в том, что Лжедмитрий I и Гришка Отрепьев — одно лицо. Дело в том, что претендент *явно не ощущал себя самозванцем*. «Он держался как законный, природный царь, вполне уверенный в своем царственном происхождении; никто из близко знавших его людей не подметил на его лице ни малейшей морщины сомнения в этом», — пишет Ключевский.

Во всех действиях загадочного молодого человека чувствуется абсолютная убежденность в правдивости его истории и правомочности его претензий на престол. Мы увидим, что последующие самозваные Дмитриии — и второй, и третий — вели себя совершенно иначе. Они юлили, прятались от тех, кто мог их опознать. Этот же ни от кого не прятался — наоборот, охотно встречался с людьми, кто когда-то знал маленького царевича.

Разумеется, он не был чудесно спасшимся Дмитрием (тот погиб в Угличе в 1591 году), однако, кажется, искренне верил в то, что он — Дмитрий. Может быть, в раннем детстве кто-то вселил в него эту уверенность, либо же это был случай радикальной аутосуггестии — самовнушения с заменой реальных воспоминаний на фантазийные. Впрочем, это относится к числу совсем уж вольных предположений, поэтому повторю лишь: вопрос о личности первого Лжедмитрия остается открытым.
